

Яков Кротов

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ

11 950 слов

12+

Яков Гаврилович Кротов

Введение в историю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39992932

SelfPub; 2018

Аннотация

Сборник эссе 1978-2018 годов о смысле истории и методе исторической науки.

Содержание

Превращение пространства в историю	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Превращение пространства в историю

Шелкопряды превращают листья в шёлк, пчёлы превращают цветочную пыльцу в мёд, человек превращает пространство в историю.

Во всех трёх случаях происходит ещё и чудо превращения довольно неприглядного физиологического процесса в нечто очень ценное и полезное. Шёлк, мёд, история – продукты двойного назначения. Они полезны тем, кто их из себя выдавливает, но ещё больше они полезны другим.

История больше похожа на мёд. Каждый человек производит свою историю, заполняя свою ячейку в сотах человечества, но свой настоящий вкус история обретает по мере объединения, как и шёлковые нити становятся шёлком, когда их объединяют в ткань.

История так же невозможна без пространства как человек невозможен без тела, но так же и несводима к пространству. Младенец занимает пространство, но не имеет истории. Пространство младенца кажется взрослому крошечным, но на самом деле это вселенная, космос, бесконечность. Новорожденный ощущает себя гигантом, и если бы он видел галактики, то считал бы их сыпью у себя на коже.

Идёт время: точнее, ходить начинает человек, простран-

ство для него начинает уменьшаться, зато это пространство наполняется другими людьми. Младенец лишь смутно видит даже мать, он прежде всего щупает и нюхает. Он помнит лишь то, что происходило с ним – меня покормили, мне было холодно, мне было тепло, мне было больно. Это – показатели времени, а не история. История начинается, когда человек начинает помнить, как общался с другими людьми, когда человек присоединяет к истории своего взаимодействия с людьми чужие истории.

Символично, что изобретение искусственного шёлка ничуть не обесценило настоящий шёлк. Существует множество историй низкого качества, дешёвок, легко приобретаемых и усваиваемых, но подлинная история по-прежнему одна. Разница та, что для приобретения настоящего шёлка нужны не деньги, и многие богачи, брезгующие даже прикоснуться к чипсам (справедливо брезгующие), преспокойно запихивают себе в мозги историю, так же похожую на подлинную, как чипсы со вкусом икры похожи на икру.

Человек растёт, но его пространственный абсолютизм не обязательно уменьшается. Ведь рост происходит не в истории, а во времени. Время измеряется сантиметрами в год, история – людьми и словами. Если человек, озлобившись на всех, бубнит и строчит бесконечные слова, то его история бесконечно мала – в верхней-то части дроби единичка, его драгоценная персона, а должны быть миллиарды. Причём, если цифры в дроби подлежат сокращению так, чтобы

между числителем и знаменателем не было ничего общего, то дробь истории по определению стремится к достижению максимально общего. Ни одного человека сократить нельзя. Только кажется, что бывают одинаковые истории, одинаковые люди.

История есть противостояние смерти, которая сокращает человечество, так что даже при самом мирном течении жизни история есть очень увечное и неполноценное явление. Кого-то уже нет, кого-то ещё нет. Как ни поправляй настоящее и будущее, прошлые трагедии остаются трагедиями, сохраняются разрывы между теми, кто разделён поколениями, расстояниями, ненавистью. Их можно забыть, и людей забывают, но это не решение проблемы, а её обострение.

Помнить всё, впрочем, тоже не выход – абсолютная память не творит историю, а лишь консервирует время. Время так же отличается от истории как ходячий мертвец от воскресшего человека. История ничего не забывает, но далеко не всё впускает в себя. Всех впускает – в идеале, но не со всяким багажом. Это не цензура, это сострадание (хотя вообще-то любовь, но пусть уж это останется секретом).

Человек и превращает пространство в историю в той степени, в которой симпатизирует происходящему, принимает события в своё сердце вместе с теми, с кем, собственно, события и происходят. Если не принимает – то остаётся в пространстве и во времени, окружённый историями других и обладая лишь историей своих страхов, своей ненависти, своей

бесчеловечности.

Во времени прогресса нет, но история сама по себе есть прогресс. Изобретение телевизора не так важно, как изобретение истории – а история изобретена, сотворена, она не появилась сама по себе вместе с человеком. Человечество существует настолько, насколько существует история, и человечество движется вперёд не настолько, насколько движется время, а насколько люди соединяют свои отдельные истории в общую. История не воскрешает, не мстит, не наказывает, не учит, она соединяет людей и это и есть высший прогресс.

История истории начинается с огромной ошибки – убеждения, что в прошлом было лучше. Речь даже не о рае, рай – это религия, а не история. Речь о золотом веке. Якобы изначально люди были лучше, даже грешили без нынешнего лицемерия. Убил Каин Авеля, так и убил, не заявлял, что это справедливая война. Но семья была семейнее, жёны женственнее, дети трогательнее.

История есть прогресс уже потому, что отправная точка истории человечества – это история животных, «обезьян», условно скажем. Не было происхождения человека от обезьяны, человечества от животных. Было происхождение человеческого коллектива от животного стада, от стаи приматов. Коллектив так же отличается от стаи, как личность отличается от коллектива. Все попытки представить коллектив разновидностью стаи, а человека – разновидностью обезьяны, это отрицание не прогресса, а эволюции. Прогресс начи-

нается там, где заканчивается эволюция.

Прогресс, история совершаются не бессознательно, не путём мутаций и приспособлений, а путём творчества и свободы. История не разворачивается, словно цветок из бутона, словно организм из генома, она не дана изначально. Изначально даже нет отдельных историй отдельных людей, есть лишь история коллективов, начиная с семьи, а это всегда лишь полуистории, всегда более ложь, чем правда, миф, причём миф столько же поддерживающий жизнь всех вместе, сколько и ограничивающий жизнь каждого в отдельности.

Семья, община, цех, государство всегда с лёгкостью принесут каждого своего члена, не говоря уже о постороннем, в жертву себе как целому. Это не Авраам, который был готов принести в жертву весь народ, отцом которого уже считал себя, народ, сосредоточенный в единственном сыне.

Прогресс в истории есть движение от историй коллективных к историям личным. Только из частных историй может состоять общечеловеческая история. История человечества не сумма историй войн, стран, открытий. Она – история тех, кто созидал, любил, творил, творит и будет творить. Конечно, в неё входит и истории войн, рабства, насилия, но это история болезни, а не история истории. История человечества не есть и механическое сложение отдельных человеческих историй в могучую кучу. В отличие от истории коллективов, которые все могут и должны быть известны в мельчайших подробностях, в истории каждого человека много «приват-

ного» – запретного для других. Это не грешки и преступления, напротив, это «святая святых», то, что объединяет людей помимо слов, и должно оставаться закрытым друг для друга.

Человечество похоже на шелковичного червя ещё и тем, что движется волнообразно. Разные народы, разные люди, даже разные части души одного и того же человека могут находиться в разных исторических эпохах. У кого-то ещё рабовладельческий строй, кто-то уже на сто лет вперёд забежал одной-двумя мыслями. Иногда хочется топнуть ногой и потребовать, чтобы все и всё подтягивались поскорее, только ведь на одного забегающего вперёд приходится не менее одного, забегающего совсем не вперёд. Так что и в истории полезно не превышать скорость и дистанцию, чтобы не оказаться преждевременно в вечности. Чтобы человечество не вымерло в одинаковость, нужно терпеть источник неравномерности в развитии – свободу и уметь ею пользоваться для преодоления всего, что мешает жизни становиться историей.

Великое третье и его враги. История и творчество

Не два, а три начала определяют историю человечества. Человек склонен мыслить оппозициями: родить/умереть, быть/не быть, свет/тьма, старое/новое. Это соответствует реальности внечеловеческой и дочеловеческой, но в человеке есть нечто, выходящее за пределы реальности. Не один процент, а сто первый процент.

Есть оппозиция «психика/материя», а есть крохотное

«дух», и это крохотное может взорвать оппозицию, симметрию чёрного и белого. Может и не взорвать, может быть задавлено и задушено. В этом смысле у «великого третьего» в человеке есть свой негативный двойник. Если назвать «третье» творчеством, то двойник – разрушение, убийство, калечение.

«Великое третье» беспокоит человека и побуждает его творить, причём творчество ощутимо именно человека, а не этого «третьего». Человек вновь и вновь переживает эту странность: он создаёт новое, чудесное, не сводимое к предыдущему, не вытекающее из предыдущих причин и сред, и это творчество переживает как «вдохновение», «озарение», «выход из себя», «преодоление», «трансцендирование», но это творчество – именно его. «Великое Третье» по отношению к человеку не то, что человек по отношению к собаке или автомобилю. Творит сам человек, хотя к моменту начала творчества человек ещё не есть вполне человек, вполне творческая личность, только в процессе творчества человек становится собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.